

БАЙРОН

ДНЕВНИКИ

ПИСЬМА

КЕФАЛОНСКИЙ ДНЕВНИК

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Перевод с английского Зинаиды Александровой

Байрон, Дж. Г.

Дневники, письма. Кефалонский дневник [Мемуары]. / Джордж Гордон Байрон. Перевод с англ. З. Е. Александровой. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 354 с.

ISBN 978-5-521-74307-0

Джордж Гордон Байрон, лорд Байрон (1788–1824) — английский поэт-романтик, покоривший воображение всей Европы своим «мрачным эгоизмом». Романтические герои его поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда», «Дон Жуан», мистерия «Каин» стали прототипами бесчисленных байронических героев в литературе разных стран Европы. Безусловно самым замечательным образцом прозы Байрона являются его дневники и письма — обладая ценностью живого исторического документа, письма и дневники Байрона представляют собой памятник художественной литературы. Они содержат яркие и красноречивые комментарии к его поэзии и рисуют правдивый портрет Байрона как человека, передавшего на суд потомков все свои мысли, чувства, достоинства и **слабости**, — всё, к чему стремилась его честолюбивая душа.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74307-0

© Перевод. З. Е. Александрова, наследники, 2022
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ПИСЬМА

1

М-СС ПАРКЕР

НЬЮСТАДСКОЕ АББАТСТВО, 8 НОЯБРЯ 1798

Сударыня,

Мама не может написать вам сама и поручила мне известить вас, что картофель приготовлен, и вы можете получить его, когда пожелаете.

Мама просит вас спросить м-сс Паркинс, как отправить пони: кругом через Ноттингем или ближним путем домой; он уже совсем здоров, но слишком мал, чтобы ходить под седлом.

Я послал в подарок мисс Фрэнсис маленького кролика, которого еще раньше обещал. Мама шлет всем вам привет, и я также.

Искренне ваш, дорогая тетушка,

БАЙРОН

P. S. — Надеюсь, что вы извините ошибки, так как это мое первое письмо в жизни.

2

МАТЕРИ

ХАРРОУ-НА-ХОЛМЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 1 МАЯ 1803

Дорогая матушка,

На днях получил ваше письмо. Рад был узнать. Что вы здоровы. Надеюсь, что в Ньюстэде вы найдете все в полном порядке. Прошу вас написать Шелдрейку, чтобы он поторопился с моими башмаками.

К сожалению, должен сообщить вам, что м-р Генри Дрюри поступает со мной так. Что я этого *не могу и не намерен* терпеть. Сейчас он воспользовался

случаем излить свою злобу против меня. Сегодня в церкви я разговаривал с мальчиком, который сидел рядом; *это*, может быть, было нехорошо, но послушайте, что произошло дальше. После службы он не сказал мне ни слова, а того мальчика увел в свою классную комнату и там принялся ругать меня самыми грубыми словами, назвал меня *негодяем* и сказал, что *может и намерен* добиться моего исключения из школы, и что я должен быть благодарен его *милосердию*, которое не позволяло ему это сделать до сих пор. Это он поручил мне передать, но я не стану отвечать, а отдаю дело на *ваше* усмотрение или тех, с кем вы пожелали бы *посоветоваться*. Разве можно так поступать с кем бы то ни было? Если бы я *украл* или *сделал что-нибудь гнусное*, он не мог бы выбрать более оскорбительных выражений. Что подумали обо мне мальчики, когда слышали, что *наставник* велит передать мне подобные слова? Пусть он лучше лишит меня жизни, чем так позорить. Совесть говорит мне, что я не *заслуживаю* исключения из школы; я *ленился*, и разговаривать в церкви, конечно, не следовало, но я не совершил ни одного низкого поступка в школе, ни по отношению к нему, ни к другим. Если я *сделал что-то ужасное*, отчего он держит меня в школе? Он сам *преступен*, если мирится с поступками, за которые человека можно *назвать негодяем*. Если бы в его власти было меня исключить, он давно *сделал бы это*, а сейчас он *сделал хуже*. Если со мной будут так обращаться, я в этой *школе* не останусь. Я хочу сказать вам, что пока не намерен обращаться к д-ру Дрюри; его сын имеет больше влияния, чем я, и мне будет *отказано в справедливости*. Помните, расставаясь с вами в Бате, я говорил вам, что он ухватится за любую возможность отомстить, — не за то, что я хотел от него уйти, а за обиду, потому что я просил у вас разрешения уйти. Если я — тот негодяй, каким он меня называет, отчего он сам не откажется от такого *ученика*? Вы помните первое письмо д-ра Дрюри, там были такие слова: «У моего сына с лордом Байроном вышли некоторые несогласия, но я надеюсь, что его поведение в дальнейшем сделает излишним смену наставников». В прошлом семестре я пробыл здесь недолго, и он ни к чему не мог придаться, как ни старался. Я еще забыл сказать вам вот что: он заявил, что с удовольствием исключил бы того мальчика, который со мной разговаривала *сделает* это, если тот еще раз будет разговаривать. Пусть он объяснится: он ругал меня, но не назвал и не может назвать ни одного моего плохого поступка, кроме тех, в каких повинна вся школа. Я его не боюсь, но пусть объяснится, больше я ничего не прошу. Прошу вас написать д-ру Дрюри, чтобы он знал, что я говорю. И он, и м-р Эванс очень добры ко мне. Если вы это так оставите, я сам уйду из школы, но я уверен, что *вы* не допустите *плохого обращения* со мной, а я готов терпеть что угодно, только не это. Может быть вам уже наскучило читать мое письмо, но

если вы меня любите, вы это теперь докажете. Прошу вас ответить мне немедленно. Остаюсь всегда любящий вас сын

БАЙРОН

P. S. — Харгривс Хэнсон просит передать вам поклон и надеется, что вы здоровы. Денег мне не нужно, поэтому я их не прошу. Да благословит вас бог.

3

МАТЕРИ

[ХАРРОУ-НА-ХОПМЕ, 1804?]

Дорогая матушка,

Я получил ваше письмо и был очень рад узнать, что вы здоровы. Мне здесь очень хорошо, если говорить о товарищах; но с Дрюри и другими наставниками у меня вышли кое-какие неприятности. На днях, выговаривая мне (вероятно, заслуженно) за мои проделки, он сказал следующее: «Учитывая ваш возраст и положение в школе, ваши друзья едва ли оставят вас здесь дольше, чем на лето. Но то, что вы вскоре покидаете Харроу, не причина, чтобы творить здесь бесчинства и безобразия». Вот что, — и еще многое другое — сказал доктор; и я из верных источников знаю, что д-р Дрюри, м-р Эванс и Мартин Дрюри называли меня *негодяем*. Что Мартин Дрюри говорил это, я *знаю*, но относительно остальных готов усумниться. Может быть, это правда, а может и нет. Слава богу, они могут называть меня негодяем, но никогда не смогут сделать меня им. Пусть д-р Дрюри представит свидетеля — одного из мальчиков или кого угодно — и докажет, что я совершил бесчестный поступок; больше я ничего не требую. А сейчас меня клеймят без причины, и я презираю все злобные потуги его и его брата. Его брат Мартин, а не Генри Дрюри (этот, надо отдать ему справедливость, с прошлого года меня не трогал), постоянно напоминает мне о моих стесненных обстоятельствах — а для чего, не знаю; это делается, быть может, с хорошими намерениями, но в весьма неприятной форме. Не понимаю, почему меня этим укоряют. У меня не меньше денег, чем у других, я не хуже других одет и вообще выгляжу не хуже, а, пожалуй, лучше большинства моих школьных товарищей; если у меня нет состояния, это мое несчастье, а не вина. К тому же путь к *богатству* и *славе* передо мной открыт. Я могу пробить себе дорогу в мире, и я это сделаю или погибну. Многие начинали жизнь ни с чем, а кончали великими людьми. Неужели я, обладая достаточным, пусть и небольшим, состоянием, стану бездействовать? Нет, я пробью себе дорогу к Вершинам Славы, но только не бесчестьем. Таковы мои намерения, сударыня. Не

знаю только, почему этот выскочка, сын пуговичника, попрекает меня положением, которое, все же куда выше его собственного. Но гораздо хуже то, что он назвал меня негодяем. Что касается первого, то я виню только м-ра Хэнсона (да еще не в меру услужливого друга, лорда Грея де Рутин, которого всегда буду считать своим заклятым врагом). Первое — пустяк, а второе я снести не могу. Я этого не заслужил и не дам оскорблять себя безнаказанно. М-р Мартин Дрюри, катаясь со своим сыном, замечает меня в отдалении, верхом на пони, которого я нанял, чтобы ехать на купанье, потому что пешком мне туда не дойти. Он окликает меня и говорит своему сыну, что я негодяй. Этот сын, очень недружелюбно ко мне настроенный, вернувшись домой, рассказывает эту историю своим приятелям, а может быть и приукрашивает ее. Все же основное в ней — правда, и вот как я теперь буду ославлен среди своих товарищей. Не бывать этому! Больше я не скажу ничего. Я надеюсь только, что вы примете это во внимание и летом возьмете меня отсюда; здесь меня осыпают оскорблениями те, от кого я их не заслужил.

Остаюсь любящий вас сын

БАЙРОН

4

АВГУСТЕ БАЙРОН

БАРТЕЙДЖ МЭНОР, ЧЕТВЕРГ, 22 МАРТА 1804

Хотя я до сих пор неаккуратно отвечал на твои любящие и ласковые письма, дорогая Августа, я надеюсь, что ты не припишешь это недостатку чувств, а скорее свойственной мне застенчивости. Сейчас я постараюсь, как только сумею, отплатить тебе за твою доброту и надеюсь, что отныне ты будешь считать меня не только *братом*, но самым преданным и любящим твоим *другом*, а, если это когда-либо понадобится, — *защитником*. Помни, милая сестра, что ты у меня *самый близкий человек на свете, как по крови, так и по привязанности*. Если я чем-нибудь могу тебе служить, скажи только слово. Верь своему брату и знай, что он никогда не обманет твоего доверия. Когда увидишь моего кузена и будущего брата Джорджа Ли, передай ему, что я уже считаю его своим другом, потому что тот, кто любим моей милой сестрой, всегда будет так же дорог и мне.

Я приехал сюда сегодня в 2 часа после утомительного путешествия; свою мать я застал здоровой. Она просит передать тебе сердечный привет; сейчас она отправилась в собрание, а я пользуюсь первым же случаем, чтобы написать тебе; надеюсь, что она не скоро вернется; если ей вздумается прочесть это послание, там есть строки, которые вдохновили бы ее на панегирик *одному твоему приятелю*, а

это было бы неприятно мне, и, думаю, не слишком интересно для тебя. Если увидишь лорда Сидни Осборна, прошу поклониться ему от меня. Полагаю, что он почти забыл меня, ибо я не имел удовольствия видеть его уже более года. Передай также привет бедному старому Меррею и скажи, что мы что-нибудь сделаем для него — пока я жив, он не будет покинут на старости лет.

Напиши мне поскорей, дорогая Августа. Не забывай любить меня. А пока остаюсь любящий тебя искренне и больше, чем можно выразить словами,

БРАТ И ДРУГ БАЙРОН

P. S. — Не забудь связать обещанный мне кошелек. Прощай, моя любимая сестра.

5

Августе Байрон

БАРТЕЙДЖ МЭНОР, 18 АВГУСТА 1804

Милая Августа,

Пользуюсь сегодняшним отсутствием моей *любезной* матушки, чтобы снова сообщить тебе, вернее, просить тебя сообщить все новости. Сам я не могу написать ничего интересного, разве только повторить жалобы на свою мучительницу, чей дьявольский характер (прости, что я пятнаю письмо столь грубым словом) очевидно ухудшается с возрастом и временем. Чем больше я ее вижу, тем более усиливается моя неприязнь, причем я не умею скрыть ее настолько, чтобы она ничего не заметила; и это отнюдь не смиряет ее вспышек; напротив, вздымает ураган, который грозит все сокрушить, пока не стихает на краткий миг, утомясь собственной яростью, и не впадает в оцепенение, чтобы вскоре пробудиться с новым бешенством, ужасным для меня и удивительным для всех свидетелей. Затем она заявляет, что ясно видит мою к ней ненависть, что я в заговоре с ее злейшими врагами, а именно: с тобой, лордом К[арлайлем] и м-ром Х[энсоном]; так как я никогда не притворяюсь и не перечу ей, нам всем достаются всевозможные эпитеты, которые я не стану повторять, ибо их слишком много, а иные слишком *грубы*. В этом обществе, столь же полезном, сколь приятном, я провел уже две томительных недели и обречен провести еще две или три так же счастливо. Ни один чернокожий раб или военнопленный не ждал освобождения с большей радостью и большим нетерпением, чем я жажду вырваться из материнского плена и из этого проклятого места, истинного царства скуки, более сонного, чем берега Леты — хотя оно не дарит забвения; напротив, отвратительные сцены, которые передо мной разыгрываются, заставляют меня сожалеть о счастливых днях, оставшихся в прошлом, и жаждать их снова.

Вот, Августа, какова моя счастливая жизнь и мои *развлечения*. Я с ненавистью гляжу на все окружающее, и если мне придется остаться тут еще несколько месяцев, *зависть, хандра и все дурные* чувства превратят меня в настоящего *мизантропа*. Несмотря на это, верь, милая Августа, что я всегда твой и т. д.

БАЙРОН

6

АВГУСТЕ БАЙРОН

БАРТЕЙДЖ МЭНОР, 23 АПРЕЛЯ 1805

Милая Августа,

Думаю, что сейчас ты благополучно прибыла в дом графа, по крайней мере, надеюсь; но не успокоюсь, пока не буду иметь удовольствие узнать об этом от тебя самой. Я выеду в город через неделю (во вторник) и хочу навестить тебя самое позднее в четверг; а пока я вынужден утешаться, как умею, и, право, ни один несчастный смертный не нуждался в утешении больше меня. Ты не хуже моего знаешь *незловивый и кроткий* нрав некоей особы, с которой я состою в близком родстве; само собой разумеется, что мои каникулы (хотя они прошли лучше, чем я ожидал) не настолько *изобиловали* радостями, чтобы мне захотелось остаться хоть на день дольше, чем нужно. Однако, несмотря на здешнюю скуку и некоторые *неприятности*, происходящие в некоем семействе менее чем в ста милях от Саутвелла, мне удавалось соблюдать мир вплоть до сего дня, когда я весьма неосмотрительно сказал, что *не в восторге* от Саутвелла; но это было сказано мимоходом, без всякого неуважения к *милому* городу (скажу между нами: пусть бы он провалился сквозь землю, но только без моей *красноречивой мамы*). Не успели эти злополучные слова, очевидно подсказанные мне моим злым гением, сорваться у меня с языка, как мне пришлось выслушать речь в ее старой манере, из тех, что я столь часто и столь *патетически* тебе описывал; это — нечто, не имеющее себе *равных ни в древности, ни в наше время* и не сравнимое даже с *филиппиками* против лорда Мелвилла. Слушая *милую даму*, можно было подумать, что я *государственный изменник*; в этом чистилище я пробыл целый час, но наконец, слава святому Петру, буря стихла, и я сел писать тебе, полный этих *приятных впечатлений*; боюсь только, что мое послание получится не слишком занимательным. Но, оставив шутки, я заверяю тебя *честью*, что никто не поносил меня так *непристойно и неистово* как эта женщина, которую я кажется обязан звать матерью, это существо, которое дало мне жизнь и которое я должен чтить и уважать, но, к сожалению, не могу любить. За один час она ошельмовала не только меня, но *всю мою семью* со

стороны отца в таких *выражениях*, какие едва ли решился бы употребить даже злейший враг; в выражениях, которые тебе было бы страшно слышать. И это моя мать, Августа; *моя мать!* Отныне я отрекаюсь от нее; я вынужден обращаться с ней уважительно, но не могу чтить, как должен был бы, родительницу, которая своим возмутительным поведением теряет право на сыновнюю любовь. Тебя, Августа, мне приходится считать самым родным человеком, тебе я должен верить то, чего не могу сказать другим, и я уверен, что ты меня пожалеешь; но умоляю тебя хранить все это в тайне и не разглашать несчастные слабости этой женщины, которые я должен терпеливо сносить. Я не хотел бы, чтобы это стало известно, так как сейчас мне остается всего неделя. Пока ты можешь безопасно писать мне, потому что она не вскрыет ни одного моего письма, даже от тебя. Прошу тебя поэтому ответить мне. Надеюсь, что буду иметь удовольствие увидеть тебя в назначенный день, но если бы ты сумела что-нибудь сделать, чтобы меня не пригласили на обед к лорду К., я был бы тебе благодарен, потому что не терплю чужих.

Прощай, любимая моя сестра.

Всегда твой Байрон

7

Чарлзу О. Гордону

БАРТЕЙДЖ МЭНОР, САУТВЕЛЛ, НОТТИНГЕМШИР, 4 АВГУСТА 1805

Хотя я очень опасаюсь, дорогой Гордон, что вы получите это послание лишь по возвращении из Эбергелли (согласно вашему письму, вы в следующий четверг будете в Ледбери); однако это не моя вина, потому что я ни минуты не промедлил с ответом; а по возвращении из поездки моим первым и, поверьте, самым приятным делом будет написать вам.

Мы сыграли с Итоном и проиграли самым позорным образом; некоторым утешением мне служит то, что я набрал 11 очков при первой подаче и 7 — при второй, а это больше, чем у всех других в нашей команде, кроме Брокмена и Ипсвича. После матча все мы пообедали вместе, весьма дружелюбно, не сказав друг другу ни одного резкого слова. Конечно, почти все мы были сильно навеселе и все отправились в театр Хэймаркет, где затеяли скандал, как обычно бывает всюду, где собирается столько питомцев Харроу и Итона. Нас ехало семеро в одном кебе, 4 из Итона и 3 из Харроу, и все мы разместились в одной ложе, отчего поднялся такой шум, что никто из соседей не мог расслышать со сцены ни слова; это не могло им особенно понравиться, они начали с нами ссору, и дело дошло почти до генерального сражения. Один бог знает, как я попал домой после спектакля. Я едва это

помню; моя голова была так отуманена жарой, дракой и выпитым вином, что я не мог наутро вспомнить, как добрался до постели.

Весь вечер дождь лил непрерывно, и нам с трудом удалось найти кебы; вот почему пришлось ехать в такой тесноте. Я встретил молодого Твилта, вашего брата, вместе с Мэлетом, а также одного своего старого школьного товарища, которого не видел шесть лет; но это не тот, о ком вы так любезно спрашивались по моей просьбе, за что приношу вам искреннюю благодарность. Вчера в восемь часов вечера я отправился к моей матери, сегодня только что прибыл и спешу поблагодарить вас за то, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу переписываться со мной. В Кембридже мой адрес будет Тринити Колледж, но я буду там только 20 октября. Можете продолжать писать сюда, пока я не уеду в Хемпшир, а тогда и вы вернетесь в Харроу. Перед тем как уезжать от матери, я пришлю свой адрес. Я разделяю вашу надежду на то, что переписка наша будет длительной. Надеюсь, дорогой друг, что она прервется лишь тогда, когда мы сойдемся под одной крышей; когда я завершу свои *классические труды* и дождусь совершеннолетия, я хочу, чтобы вы были частым гостем в Ньюстэдском аббатстве, моем поместье в нашем графстве, милях в 12-ти от дома моей матери, где я сейчас нахожусь. Я угостил бы вас там охотой и рыбной ловлей, и, поверьте, что там не будет более желанного гостя, чем вы, — как нет у меня более приятного корреспондента и друга, с которым дружба доставляла бы мне больше радости, чем ваша, милый мой Чарлз; и таковы всегда будут чувства любящего вас

БАЙРОН

8

ДЖОНУ ХЭНСОНУ

САУТВЕЛЛ, 2 АПРЕЛЯ 1807

Дорогой сэръ,

Прежде чем отвечать на другие части вашего послания, позвольте поздравить вас с *честью* и выгодами, какие несомненно следуют из вашего официального назначения.

Вам посчастливилось вступить в должность в весьма критический период: ваши патроны *exeunt omnes*¹. Надеюсь, что они скоро вытеснят своих ничтожных преемников. Другим счастливым событием является ваше выздоровление; оно стоит здесь *на втором месте по порядку*, но отнюдь не в моих пожеланиях. Что до наших

¹ Все уходят (*лат.*).